

ДЕФИЦИТНЫЕ КУЛИЧКИ

В начале девяностых моего мужа-офицера перевели служить в Вологодскую область.

Сумрачный промышленный Череповец хоть и давал стране много чугуна и стали, жил голодно.

Продукты продавали по талонам, но иногда и вне норматива случалось отхватить какой-нибудь дефицит. Товары не поступали в продажу, их «выбрасывали». И покупатели не покупали, а «доставали» – по благу или отстояв длинную нервную очередь. Можно было видеть, как взволнованные прохожие вопрошают крайних стояльцев: «что дают?» и «сколько в руки?» Я тоже обычно не проходила мимо: вдруг на прилавке что-то очень нужное и, если повезёт, это «что-то» мне тоже достанется...

Я не твоя мама!

Много лет прошло, а чувство вины нет-нет, да и царапнет душу...

Однажды, возвращаясь с младшим сыном из поликлиники, я зашла в маленький продмаг и – о, чудо! – там «выбросили» яйца.

И очередь была небольшая – человек десять всего.

Сейчас, думаю, затарюсь с запасом.

Не тут-то было! Как быстро выяснилось, давали строго десяток в одни руки. Я потухла, но оптимизм до конца не потеряла: ведь нас с сыном двое. Два десятка – это праздник!

Но тут разыгралась убийственная сцена: женщина с годовалым ребёнком на руках плюс ещё один лет пяти за подол держится, попросила три десятка яиц.

– Ещё чего! – заорала взбешённая продавщица. – Вы, может, всю родню сюда приволокёте! Вы все вместе? Кто вместе – тому один десяток!

Качать права у советских продавщиц было опасно – вообще ничего не получишь и очередь поддержит: «Уходите скорей, женщина, не задерживайте!»

Что делать? Что?

– Лёничка, – зашептала я сынишке на ухо, – хочешь яичко?

Четырёхлетний малыш с надеждой посмотрел на меня и кивнул – он любил яйца, особенно всмятку.

– Нам надо много, поэтому мы скажем тёте, что я не твоя мама, а твоя мама дома и она послала тебя со мной за яйцами. Понял?

Сын доверчиво вытаращил чёрные глазёнки. Я видела: он ничего не понял, но хочет помочь изо всех своих маленьких сил.

– Тётя спросит: «Где твоя мама?», ты ей скажи: «Дома». А я как будто бы не твоя мама. Это мы в такую игру сыграем, чтобы у нас было много яичек. Чтобы всем хватило: и тебе, и папе, и Ване... Понял?

– И тебе...

Лёня взял мою руку своей маленькой лапкой. Я отдёрнула ладонь.

– Нет, я себе сама возьму, а ты себе – как будто ты один, а твоя мама дома. Понял? Я не твоя мама!

Сын снова кивнул, глянул испуганно и всё-таки вцепился в меня.

Я попыталась его успокоить:

– А когда мы отсюда выйдем, я опять буду твоя мама.

– Навсегда?

– Навсегда, – уверенно ответила я и мысленно обматерила государство, дефицит, очередь и эти чёртовы яйца...

У прилавка я залепетала жалобно, не глядя продавщице в глаза и презирая себя:

– Вот, мальчик соседский, его мама со мной послала...

Если бы продавщица спросила, правда ли это, и сын не соврал в ответ (маленькие дети вообще врать не умеют, этому они учатся у нас, взрослых), я бы плюнула на всё и ушла со своим несчастным десятком яиц, но она ничего не сказала. Сложила в два бумажных пакета яйца, взяла деньги и я, стораю от стыда, пошла прочь, подталкивая впереди себя ошеломлённого Лёньку...

Сейчас сын взрослый.

– Помнишь, – спрашиваю его, – как я отреклась от тебя за десяток яиц?

Он не помнит. Он смеётся. Ему странно, что мама может так долго переживать по такому пустячному поводу...

Амаль

Очередь торчит из дверей промтоварного магазина поперёк тротуара, мудроно за неё не зацепиться...

Маленькая женщина со смиренным лицом, на вопрос: «Что дают?» устало отвечает:

– Амаль.

Вологодский говор мне пока ещё мало понятен, переспрашиваю:

– Что-что?

– Амаль белая. Окна красить. Хорошая, быстро сохнет.

Быстросохнувшая эмаль нам в хозяйстве не требуется, и я бегу дальше...

Через несколько дней на том же месте опять спотыкаюсь о выпавший из магазина «хвост» и на тот же вопрос получаю точно такой же ответ (кажется, даже терпеливая женщина та же самая):

– Амаль.

– Ага, – киваю понимающе. – Краска. Какого цвета?

– Почему это краска? – вкусно перекаывая вологодское «О», удивляется женщина. – Амаль-посуда. Нарядна така: сОма-тО белОя, а на бОках-то красны ягОдки...

Всего каких-то три часа стояния в очереди, и наш скромный семейный быт пополняют кастрюли производства череповецкого завода эмальпосуды.

...Прошло двадцать лет. Белоснежная «амаль» поблекла, но победно-алые клубничины на её округлых боках по-прежнему радуют глаз и напоминают о далёких временах тотального дефицита – прекрасных, светлых, счастливых временах молодости.